

Герман Шелков

ХОРОШО

И

ПЛОХО

БЫЛО

ЖИТЬ

В

СССР

1

Герман Шелков

**Хорошо и плохо было
жить в СССР. Книга первая**

«Телеграф»

2016

УДК 821.161.1-32 Шелков
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шелков Г.

Хорошо и плохо было жить в СССР. Книга первая /
Г. Шелков — «Телеграф», 2016

ISBN 978-5-902845-20-1

Люди, жившие в СССР, каждый по-своему, но с поразительной искренностью рассказывают о советской стране – о дворах, детстве, семье, занятиях, работе, взаимоотношениях и о многом прочем из своей повседневной жизни.

УДК 821.161.1-32 Шелков
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-902845-20-1

© Шелков Г., 2016
© Телеграф, 2016

Содержание

Предисловие	6
Книга первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Герман Шелков

Хорошо и плохо было жить в СССР. Книга первая

Эпизоды курения и употребления спиртного в тексте являются неотъемлемой частью описываемой в книге эпохи.

Все совпадения случайны.

Предисловие

Автор выражает признательность своим случайным попутчикам Сергею Валериановичу, жителю Сибири, и Ивану Степановичу, жителю Москвы, за подсказанную идею и надеется, что они прочтут эту книгу.

Однажды я весь день, ехал в поезде. Это была очень занимательная поездка. Нескучная, веселая и определенно полезная. Мои попутчики, Иван Степанович и Сергей Валерьянович, устроили спор и так увлеклись, что один раз перекричали грохот встречного поезда. Оба они были горожане лет семидесяти, но это не мешало им прыгать по полкам и устраивать возню, как подросткам. Никто из них не желал уступать – это, казалось, было для них совершенно невозможно. Между ними вышло три стычки. Но о чем же они спорили? О жизни в СССР. Один ее ругал, а другой нахваливал. При этом речь у них шла об одних и тех же вещах. Но только у Ивана Степановича эти вещи выходили хорошие, а у Сергея Валерьяновича – совсем никудышные и даже вредные. Они спорили без перерыва на обед, глотая лишь таблетки для сердца. Я весело смеялся, глядя на этих людей. В конце концов они помирились, сойдясь на том, что колбаса «Докторская» была все-таки очень приличная. И не просто помирились, а вместе отправились ужинать в вагон-ресторан. Но когда я пошел попрощаться с ними, оказалось, что до ресторана они не дошли, а снова бросились кричать и топтать. И я снова смеялся, наблюдая, как эти подвижные старички насакакивают друг на друга. «Почему же вы опять нервничаете?» – спросил я и сразу же получил ответ: потому что оба не выносят лжи. Каждый из них, оказывается, говоря об одном и том же, выкладывал неправду. Впрочем, понятно, что неправдой Иван Степанович считал все сказанное Сергеем Валериановичем, а Сергей Валерианович все слова Ивана Степановича называл подлой ложью. Я пожелал им поскорее помириться и сошел на перрон. Больше я этих людей никогда не встречал, но стал думать о предмете их разногласий, и вскоре мне пришло в голову, что об этом можно написать книгу. А именно о том, что о жизни в СССР можно рассказывать совершенно по-разному. И я стал спрашивать бывших жителей Советского Союза и услышал много абсолютно противоположных любопытных историй.

Герман Шелков

Книга первая

– Да уж, не называйте конкретных городов, потому что везде было плохо! – отвечал Сергей Валерианович.

Мария Ко – рская, 1964 года рождения: «Наш двор – лучшее, что было в моем детстве, люблю его вспоминать. Дома были желтые и песочного цвета, с красивыми маленькими балконами на фасаде. Мы их называли «балкончики».

Стеклить их не разрешали, потому что они выходили на большую улицу, запрещали хранить громоздкие предметы, а только мелочи. Квартиры были не маленькие, не большие, а средние. Потолки были высокие, двери двойные. Открываешь входную дверь, а за ней еще двери. Почему так – не знаю.

В каждой квартире был паркет, и так во всех трех домах, которые образовали наш двор. Все друг с другом здоровались, на лестнице, в лифте и вообще везде. Нас, детей, учили говорить «здрасьте», объясняли, что это вежливо. Моя мама учила нас с братом, чтобы мы пропускали вперед старших, открывали бабушкам и дедушкам дверь в подъезд, бросались поднимать ключи, перчатки, если те их уронят.

Двор был проходной, а не глухой, и летом, и зимой через него была тропа-дорога. Но грязно не было. На земле ничего не валялось. Ни жители нашего двора, ни прохожие не мусорили, даже окурки не бросали. Проявляли сознательность. Дворников было двое, муж и жена, оба пожилые. Как их звали, не помню. Работали в фартуках, в рукавицах, то с метлами, то с лопатами. Автомобилей было мало, собак-кошек тоже. Детей тоже проживало немного, всего, кажется, пятнадцать или чуть меньше.

В одном из наших трех домов находилась детская библиотека, и мы, естественно, в нее ходили. Приходишь со школы, дома никого нет, обедаешь, пьешь чай, ешь булку с вареньем, делаешь уроки и – в библиотеку. Мой брат был старше меня на три года и посещал спортивную секцию. Уходил в два часа и возвращался вечером. А я встречалась в библиотеке с другими детьми из нашего дома, потому что они тоже туда приходили. Мы учились в разных школах и классах и виделись только во дворе и в библиотеке.

Мы, дети, почти все дружили. Ходили друг к другу в гости. Я могла пригласить сразу троих или даже пятерых, и тогда мама всех угощала, подавала чай и конфеты. Так же поступали другие мамы из нашего двора.

В библиотеке, в читальном зале, мы садились за дальние столы, брали книги о животных или детскую энциклопедию. Мы знали, как нужно себя вести и всегда говорили только шепотом. Нас никогда ни за что не ругали. Потом мы шли во двор и разговаривали о книгах – о том, кто что прочитал. Среди нас был один мальчик, у которого была страсть к выдумыванию, и он постоянно выдумывал различные сюжеты и истории. Рассказывал бурно: то прыгал, то скакал, то размахивал руками и дергал ногами. И все-таки было интересно. Я думала: кем он станет, когда вырастет? Он стал врачом-кардиологом. Перестал выдумывать, сделался солидным и серьезным человеком.

Детская площадка в нашем дворе была крошечная, на ней играли только малыши.

Мы, которым было от восьми до одиннадцати лет, собирались на широкой лавке посередине двора. Утром, когда мы были в школе, на ней сидели дедушки и бабушки. Вечером наша лавка ждала нас.

Все дети были положительные. Учились хорошо. Одежду носили аккуратно и содержали ее в чистоте. Плохих детей не помню. Ни ватаг мальчишек постарше, курящих или сыплющих нехорошими словами, ни компаний с гитарами в нашем дворе никогда не видела. Старшие мальчики и девочки посещали Дом пионеров, спортивные школы и кружки.

Зимой всегда обильно выпадал снег, но его не убрали и не вывозили, а собирали в кучу. Всякий день она росла и в конце концов превращалась в гору. Вот была нам радость! Мы катались с этой горы на санках, рыли в ней пещеры. Так делали все дети советской поры. То время мне нравилось. Было спокойно и хорошо. Мы росли здоровыми, вежливыми, воспитанными, много читали, многое стремились узнать. Наш двор был нашим другом.

Когда мы подросли, уступили нашу лавку подросткам. Теперь они ходили в детскую библиотеку, а потом шли во двор и разговаривали о том о сем, пока их не звали домой.

С четырнадцати лет я перестала посещать детскую библиотеку, но она до сих пор со мной – в моей памяти. И мой двор тоже.

Я ходила к подругам, иногда мы с подружкой ходили к мальчишкам, но не к тем, кто был с нами на нашей лавке, а к другим, из нашей школы. И хотя наша «лавочная» компания распалась, все мы сохранили о ней самые лучшие воспоминания.

Впоследствии, когда я выросла, мне пришлось уехать на жительство в другой город. Много времени я не бывала в нашем дворе. А когда, наконец, я пришла в наш двор, он показался мне очень маленьким. Лавки нашей уже не было. Всюду стояли машины. Дома постарели и потеряли вид. Многие балкончики со стороны улицы застеклили. Чужие, незнакомые люди выходили из нашего дома и входили в него. Зайдя в наш подъезд, я с горечью обнаружила, что он грязный и неудобный. А в мое время на любой ступеньке лестницы можно было сидеть, как на лавке.

О стране СССР я скучаю, как о хорошем, добром и единственном друге. Иногда мне хочется все бросить и вернуться назад, в Советский Союз. Но вот беда – это невозможно. Очень жаль – порой даже до слез».

Анна Ре – кова, 1964 года рождения, жительница того же города, что и Мария Корская: «Наш двор был недалеко от рынка и автовокзала. То, как мы жили, я могу назвать только дьявольщиной. Наверное, мы были прокляты. Но за что?»

Три наших трехэтажных дома послевоенной постройки образовывали глухой двор, и мимо него лежал самый короткий путь к автовокзалу и рынку. И все ходили к нам «в туалет». К нам ходили «по-большому» и «по-маленькому», тошнить, выбрасывать мусор или испорченную еду. Люди на ходу выворачивали свои сумки, авоськи, мешки и рюкзаки, и остатки пищи, отходы, яичная скорлупа, корки, кости и очистки валялись в нашем дворе повсюду. Сюда вели и несли детей – под деревья, самых маленьких папаши и мамы держали на вытянутых руках, пока они справляли естественные надобности, а ребяташкам постарше приказывали: «Сходи сейчас, а то в автобусе замаешься, а там туалета нету, и никто на дороге останавливаться не будет!»

У нас «присаживались» бабуся и дедуся, студенты, солдаты и даже на вид интеллигентные люди в очках. Мы жили как будто в общественном туалете, и у нас, у советских детей нашего двора, наши же советские люди украли двор, а заодно и нормальное детство. У меня до сих пор перед глазами стоят разбросанные по всему двору обрывки газет, которые использовали как туалетную бумагу. Понятно, что мы, дети, никогда не играли в нашем дворе – это было невыносимо. Мы уходили подальше. Моя мама, я думаю, оттого и помешалась, что много лет выскакивала из подъезда и кричала людям: «Что же вы делаете! Ведь мы здесь живем!» Все жители в нашем дворе были угрюмые, задумчивые, с недовольными лицами. Еще бы: как тут радоваться жизни?

Крича, мама иногда надрывала голос. Она совсем издергалась. У нее были тик и бессонница. Другие жители тоже выскакивали или оралы из окон и с балконов, грозили, но ничего не действовало. Все это была чепуха. Люди решили, что наш двор – уборная, и делали то, зачем пришли. Но почему они так поступали? Конечно, потому, что в СССР обществен-

ные туалеты были известной проблемой. Их было так мало, и содержали их в таком ужасном состоянии, что советские люди не могли на них положиться.

Моя мама говорила, что мы в СССР живем как в Средневековье. А нам в школе говорили, что мы живем в самой прогрессивной стране мира и самой светлой. Люди у нас самые сознательные. Добрее советских людей на свете нет, не бывает душевнее и сердечнее. Обойди земной шар хоть сто раз и сто раз убедишься, что только в Советской стране проживают самые лучшие люди. Мы, советские, всех жалеем – всех угнетенных на всех континентах, всех борющихся за свои права, и всех, кто трудится. А моя мама продолжала высказываться во двор, и ее никто не жалел.

Иногда она гневалась, иногда умоляла: «Пожалуйста, ну поймите нас! Ведь у нас тоже маленькие дети!» Иные люди стеснялись и убегали, некоторые злились, кричали в ответ. Никто никогда не извинялся. Некоторые, наоборот, выходили из себя. Пьяные бросали в маму мусор, пару раз ее ударили. И однажды пришел день, когда она перестала выбегать во двор. Ее охватило странное безразличие.

Маму я запомнила замкнутой, не улыбающейся женщиной, которая пожертвовала уютом и покоем в пользу естественных надобностей наших советских граждан. Такую же жертву принесли все остальные жители нашего дома.

Когда я подросла, я узнала, что многие наши соседи годами писали письма властям, в газеты и на телевидение, но помощь так и не пришла. Еще я узнала, что все мечтали поменять свою квартиру и переехать в другой район. Это было невероятно трудно, так как те, кто приходили по объявлению, в ужасе покидали наш двор. Ах, это так понятно! Моя мама тоже пыталась перевезти нашу семью в другой район города, но у нее ничего не вышло.

Но разве на автовокзале и на рынке не было туалетов? Были! Однако наши советские люди почему-то не принимали это в расчет. Некоторые, наверное, не знали, что туалеты всегда готовы их принять, в любую минуту. Иные торопились на автобус, отправляющийся в другой город или в какое-нибудь село, и справляли естественные нужды там, где, как им казалось, попало по дороге первое подходящее место.

И вот что удивительно: у нас был дворник, но он убирал только утром и поверхностно – он, видимо, считал свой труд бесполезным. То есть однажды он убедился в этом и убеждение не поменял. И, похоже, люди его навсегда разочаровали, потому что он редко с кем разговаривал. И часто он работал пьяный. Уже к полудню в нашем дворе было очень грязно.

Мне противно вспоминать наш двор в любое время года, к примеру, зимой, когда все вокруг бело. Или осенью, когда идут дожди. Или весной, когда сходит снег. И вот что я скажу еще: с той поры, с детства, у меня странный рефлекс – я всегда гляжу под ноги. Боюсь наступить сами понимаете на что.

Но какова же основная причина такого нехорошего, равнодушного и упрямого поведения советских людей? Когда я стала взрослой, я все поняла. Конечно, отсутствие религиозного воспитания. Ведь наша великая христианская религия учит: не желай ближнему своему того, чего не желаешь себе, поступай с ближним так, как хотел бы, чтобы поступали с тобой. Но советские люди жили по другим заповедям. У них не было страха перед Богом. И вот к чему это привело. Они вредили ближним своим и никого и ничего не боялись. Думали в первую очередь о себе.

СССР я не люблю, не хочу обратно ни за какие коврижки. Люди были равнодушные, недобрые, не имели сострадания. Моя мама помешалась и стала инвалидом. А у меня не было полноценного детства. Что тут хорошего?»

Евгений До – ский, 1961 года рождения: «Мой двор был большой – три девятиэтажных дома и в каждом по два подъезда. Во дворе – детская площадка, площадка для волейбола,

гаражи и место для сушки белья – там торчали столбы и между ними натянуты веревки. Лавки, газоны, деревья. Обычный двор в СССР, и обычная спокойная, милая и уютная жизнь.

Грязи не помню. Мусор не валялся. Пьяные люди не бродили, хулиганство случилось только мелкое, из озорства. Все мальчишки шалят, шалили и мы – напишем что-нибудь мелом на гараже, не ругательство, а что-нибудь вроде: «Здесь под землей лежит клад, берите кто хотите». Люди читали, улыбались. Ребята постарше играли в волейбол, некоторые ездили на мопедах. Помню, все они носили кепки, сдвинутые на лоб, даже летом. И присматривали за нами! Например, не позволяли баловаться спичками, а уж если замечали у нас папиросы или сигареты – отвешивали оплеуху, а табак забирали. Грозили кулаком: «Мал еще – легкие портить!» Отнимая табак, говорили: «А ну, отдай папаше!» При нас никогда не сквернословили – берегли наши уши и души, и мы, когда подросли, тоже так поступали.

Мы именно подражали старшим парням, перенимали их жесты, походку, манеры. Они казались нам взрослыми и умными, хотя им было по 15–16 лет. Впрочем, у некоторых из них уже росли усы. Усы были тогда в моде. Мы, мальчишки поменьше, мечтали стать усачами. Мечтали и о таких же расклеванных брюках и клетчатых рубашках. Когда у меня появились первые приличные «клеши», я был счастлив. Что тут говорить? Мы делали все, как наши старшие ребята. При девочках никогда не ругались. Реагировали на замечания всех взрослых – будь они из нашего дома или вовсе незнакомые. Если какой-нибудь взрослый человек просил об услуге – перенести что-нибудь, поднять, помочь погрузить, не помню, чтобы кто-то отказывался. Наоборот, мы были рады, что нас задействуют и похвалят.

Жили дружно. Многим делились. Если кто-то выносил во двор бутерброд, его делили на всех. Все приятели откусывали по очереди. По-моему, все так жили в Советском Союзе. У нас не было той глупой строптивости, которой отличались наши сверстники в капиталистических странах. Об этом нам часто рассказывали в школе. Говорили, что такие же подростки, как мы, в США или Великобритании все делают наперекор взрослым, перечат им во всем, не слушают никаких советов, дерзят и все поголовно пьют спиртное и курят. И поэтому у многих из них нет никакого будущего. Не знаю, так ли это было на самом деле насчет спиртного. Может быть, подростки в Америке или Англии и пили, а мы – нет. В нашем дворе редко кто из старших ребят бывал пьяным. За все время, кажется, был только один такой случай. Кто-то выпил портвейну то ли на чьей-то свадьбе, то ли на проводах в армию. И мы тоже не тянулись к спиртному. Не слышал, чтобы кто-то предлагал: «Давай выпьем!» Даже пива не пили, не то что портвейна или водки. И даже уходя на армейскую службу.

Ах, хорошо помню, как старшие ребята отправлялись служить в войска – нашей Родине! Они отдали нам свои часы, значки, кепки и кеды. Улыбались и говорили: «Ну, подрастай скорее!» Это был, безусловно, особенный момент. Мы завидовали им и мечтали поскорее вырасти и тоже пойти служить – на флот, в танкисты или в пограничники. Старшие ребята передали нам как бы дежурство по нашему двору, и мы его приняли. Присматривали за теми, кто помладше, не позволяли им курить, баловаться, обижать слабых. И они нас слушались.

Мне нравилась мода на соломенные шляпы с тесемкой, на манер ковбойских. Мы раздобыли их и ходили подряд два или три лета. Но чаще такую соломенную шляпу носили не на голове, а за плечами между лопаток – она болталась там, а тесемка была на горле. В волейбол мы почему-то не играли, зато увлеклись гитарами. Разучивали всякие песни, медленные, быстрые, шуточные и лирические, но пошлых или уголовных песен не было. Уголовная романтика обошла нас стороной, и я этому очень рад.

Когда старшие ребята стали возвращаться из армии, мы встречали их с восторгом и трепетом. С восхищением слушали их рассказы и частенько дрожали от волнения. Перед нами были окрепшие, возмужавшие парни, прошедшие огонь и воду. Именно так мы и представляли себе армейскую службу – огонь и вода. Рассказов было много. И мы тоже расска-

зывали, потому что ребята требовали у нас отчета – все ли в порядке в нашем дворе, пока они отсутствовали. Все мы получили от них подарки – солдатские ремни, кокарды, пилотки. Фотографии из армейских альбомов завораживали нас, как приключенческое кино. «Скорее бы забрали в армию!» – стонали мы. Это были искренние порывы: каждый из нас действительно мечтал поскорее стать солдатом.

Потом эти старшие ребята завели себе девушек и оставили наш двор. Многие пошли работать на завод, переселились в заводское общежитие. У них началась взрослая жизнь. Наконец и нам стукнуло по восемнадцать лет, и мы стали прощаться с теми ребятами из нашего двора, которым было по пятнадцать-шестнадцать. Раздали им наши соломенные шляпы, значки, кеды, кто-то отдал гитару. «Ну, подрастай скорее!» – говорили каждому, вспоминая, как когда-то и сам слышал эти слова. Дежурство по двору перешло теперь к ним, и они его приняли.

Я попал служить в Забайкалье, в зенитный расчет. Стреляли из зенитки. Ходили в увольнение, покупали мороженое, обязательно шли на киносеанс. Служить в армии было интересно, это большая польза для развития личности. Вернувшись из армии, мы собрались во дворе и сыпали рассказами, но сначала вручили нашим младшим ребятам подарки – ремни, кокарды, пилотки. Помню, я строго спросил: «Ну, все ли хорошо в нашем дворе, пока мы служили?» Младшие ребята с гордостью отчитывались. И затем шептали: «Скорее бы в армию!»

Через три месяца я переселился в заводское общежитие. Впереди меня ждала длинная взрослая жизнь. Но и сейчас, до сих пор, сколько бы ни прошло времени, я мысленно бываю в нашем дворе – он возвращается ко мне в воспоминаниях. Я осматриваю наш двор и вздыхаю: все бы отдал на свете, чтобы вернуться! Но теперь я живу в другом городе, и жизнь нынче совсем другая. Сложнее и тяжелее.

СССР, безусловно, моя страна. Все было хорошо. Если бы мне сейчас сказали, что где-то отправляется поезд назад в СССР, я бросил бы все и побежал без оглядки. Я согласился бы даже бежать за этим поездом, лишь бы вернуться в мою страну, где я был счастлив».

Николай Ас – кин, 1962 года рождения: «Мой двор – это мое детство и юность, и если все взвесить, то плохого было куда больше, чем хорошего. Определенно! Злость, коварство, жадность и зависть, и самое подлое равнодушие. Вот что такое мой двор.

Я учился в первом классе, когда у меня впервые во дворе вывернули карманы. Мальчики постарше остановили меня и попросту ограбили. Забрали простенький брелок, рогатку. До этого отнимали конфеты и пироги. Когда мама отправляла меня гулять во двор и давала еду – кусок пирога или яблоко, это всегда означало, что их отнимут. Но жаловаться было нельзя. Мальчики постарше сразу предупреждали: «Нажалуешься, сбросим в канализацию!» Или пугали тем, что снимут и заберут штаны, и это увидят девочки. Мне было семь лет, а им десять и одиннадцать. В нашей компании семилетних-восьмилетних назревали такие же настроения. Мы мечтали грабить малышей и запугивать их. Однако больше всего мы стремились подражать тем, кого очень сильно боялись – старшим парням нашего двора, которым было по 14–15 лет.

Они курили, пили пиво, сквернословили, постоянно плевали в разные стороны и отнимали все что можно у ребят помладше. Я слышал их разговоры: где бы раздобыть денег на пиво, табак, портвейн, где бы что-нибудь украсть, кому бы навредить. Они повелевали мальчиками, которым было по десять и одиннадцать, посылали их разведать обстановку, а чаще всего – к магазину или кинотеатру, выпрашивать у прохожих деньги. Сами они болтались во дворе и ждали, когда им принесут горсть мелочи, по пять, десять и пятнадцать копеек. Лица у них были хитрые и злые, и мы, малыши, хотели быть такими же. Когда они видели кошку, хватили булыжник и швыряли. Стремилась убить животное. Поэтому бродя-

чие кошки и собаки в нашем дворе редко встречались. Даже птиц было немного, а голуби и вовсе пропали. Их, наверное, перебили. Но эти старшие ребята ничуть об этом не жалели. Они мечтали обобрать пьяного или украсть что-нибудь из открытого окна. Если пьяный был из нашего двора, они его не грабили, а развлекались. Опустошали бутылку с лимонадом, писали туда и предлагали пьяному: «Дядя Петя, хочешь лимонаду? Выпей. Освежает!» Иногда пьяный поддавался на эту уловку – и тогда компания, громко хохоча, бросалась наутек. Впрочем, недалеко. Высовываясь из-за угла, они кричали: «Ну, как лимонадик?» Пьяный в ответ всегда сильно ругался. А этим ребятам было от этого только веселее.

Другие их развлечения были еще хуже. Бывало, они возьмут рогатки, наделают пулек из алюминиевой проволоки, спрячутся в подвале и оттуда стреляют по ногам молодых женщин. Многие девушки и дамы в ту пору носили короткие юбки, короткие плащи и пальто. И вот они, эти женщины, вскрикивали и подскакивали от боли, и от неожиданности роняли сумки, сетки, а в них, в сетках и сумках, бывало, лежали бутылки с молоком и маслом. Понятно, что стекло разбивалось, жидкости разливались, а компания в подвале ликовала и стонала от восторга. Ведь их не было видно! Потом, во дворе, они долго и подробно это обсуждали. И мы, младшие ребята, считали эти выходки геройством и знали, что будем делать так же, когда подрастем.

Вечером, напившись пива, старшие шли к семейному общежитию и в темноте взбирались на деревья, чтобы подглядывать в окна. Все они надеялись увидеть половой акт. Через дыру в вентиляционном окне со стороны улицы подглядывали в душевые, где мылись женщины из семейного общежития. А по воскресеньям они шли на площадку, где шло строительство, и пока стройка была опустевшей из-за выходного дня, крушили и ломали все, что можно. Били стекла, вырывали рамы, поджигали доски, рубероид и смолу. Тыкали палки в смолу и делали факелы, но чаще писали этой смолой на стенах строящегося дома скверные слова, рисовали то, о чем вслух говорить не принято. Сторож выскакивал из своей будки и бегал за ними, а они его дразнили, бросали в этого человека кирпичи, стекла. Когда им надоело, возвращались во двор и учили нас, ребят поменьше, курить и сквернословить. Заставляли делать глоток портвейна и глядели, что будет. Один мой приятель отхлебнул побольше и вдруг сильно опьянел. Сел на землю и стал смеяться. И так раззадорил компанию, что ему стали говорить: «А ну, покажи себя! Вынеси вон то стекло! Иди, разбей что-нибудь!» И мой приятель схватил кирпич и запустил в окно на первом этаже. Все, трясаясь от хохота, разбежались. А несчастные обитатели той квартиры, где разбилось стекло, выскочили и поймали моего приятеля. Смотрят, а он пьян! Десятилетний мальчик! Трясли, ругали паренька, а того затошнило. Дома его ждала расправа: отец сильно избил ремнем, потом еще избил мать. И он три недели не выходил из дома, бывал только в школе. Но старших ребят так и не выдал, потому что они бы ему жестоко отомстили. Скорее всего, раздели бы догола, а одежду сожгли бы, и он у всех на глазах метался бы по двору голый. Он это знал, и поэтому ни на кого не указал.

Когда мы подросли и стали грабить малышей, выворачивать их карманы, этот мой приятель поступал всегда очень жестоко – обязательно бил по затылку и заставлял опускаться на колени. И запугивал: «Смотрите у меня! Кто из вас проболтается – догола разденем! А то еще в канализацию сбросим и крышку задвинем!»

Наконец парни из компании самых старших достигли призывного возраста и получили повестки. Начались проводы в армию. Каждый из них напивался и буянил – считалось, что последнее застолье «на гражданке» должно быть бурным и настолько запоминающимся, чтобы о нем можно было рассказывать в продолжение всей жизни. Просто посидеть за столом в окружении друзей и близких считалось как будто неприличным. Нужно было непременно пойти пьяным на улицу, избить кого-нибудь или ограбить. Предполагалось, что пока избитый или ограбленный гражданин обратится в милицию, и начнутся розыски, преступ-

ник будет находиться уже на призывном пункте среди сотен таких же парней, и никому в голову не придет там его искать.

Первым четверым парням, у которых были проводы, это удалось. Они в пьяном кураже выскакивали на улицу, нападали на одиноких прохожих, мужчин 30–35 лет, невысоких и некрепких, избивали и грабили. Отсыпались и приходили в себя они уже на пункте сбора призывников. Смеялись и были очень довольны, что проводы прошли «как надо», с «доблестью». А двух других разыскали и арестовали. И вместо армии они отправились за решетку, каждый на три года.

Мальчишки из нашего двора, которым было пятнадцать-шестнадцать, заняли место убывших в армию и стали делать все, как они. Пили пиво и портвейн, сквернословили, курили, крушили, ломали, вредили, обирали пьяных, воровали, подглядывали в окна и в душевые, учили малышей курить, заставляли повторять непристойные выражения, стреляли из рогаток по ногам женщин и девушек. А нам было по 12 лет, и мы мечтали поскорее вырасти и стать, как старшие ребята. Впрочем, мы уже тогда были заражены злобой, подлостью и равнодушием. Как и старшие парни, никто из нас ни с кем в нашем дворе не здоровался. Мы приветствовали только друг друга. И между собой говорили, используя как можно больше ругательств. От нас пахло табаком. И мы тайком пробовали пить пиво. Отец за курение бил меня ремнем, мать била разделочной доской. Но что они могли сделать, если в моем дворе я не мог вести себя иначе? Я поступал, как все.

На майской демонстрации и на шествии трудящихся 7 ноября старшие ребята стояли на тротуаре и злорадно ухмылялись. В тот момент, когда в толпе кричали «ура», они выкрикивали свое: «Да чтобы вы подошли!» или другие выражения, которые повторяют сейчас очень неприлично. Участвовать в шествии было для них немыслимо. Власть они ненавидели. И это всего-то в 15 лет! Потом они посылали нас к магазину или кинотеатру, и мы выпрашивали у прохожих мелкие деньги. Эти монеты уходили на табак и портвейн.

Из армии самые старшие ребята нашего двора вернулись не все. Из четверых – двое. Одного убили в драке в казарме, другого судили за кражу и отправили в тюрьму. Те, что вернулись, сильно изменились. Потеряли кураж и наглость, исчезли и их злорадные ухмылки. Они стали угрюмыми. Каждый день напивались пьяными. О службе почти ничего не рассказывали, а если говорили, то лишь о том, что в армейской жизни ничего хорошего нет. Оба ругали офицеров, солдатские тяготы, заботы и все прочее. Ребята помладше тут же принимались думать, как избежать призыва на солдатскую службу. Вскоре те, что вернулись из армии, исчезли из нашего двора. Куда они подались, не знаю.

А мы жили по-прежнему. Отбирали у младших ребят все что можно, заставляли выворачивать карманы, а потом запугивали. Обирали пьяных, воровали, вредили. Например, бросали на дорогу кусок толстой обувной резины с торчащими гвоздями, чтобы у машины прокололись шины. Когда это происходило, смеялись и веселились, как одержимые.

Наконец настало время идти в армию тем парням, которые были старше нас на три-четыре года. Когда-то им было двенадцать, потом пятнадцать, а теперь они выросли и стали восемнадцатилетними. И все повторилось: на проводах они напивались, выскакивали на улицу и набрасывались на прохожих. Били и грабили некрепких или интеллигентных незнакомых людей. Орали: «Кто тебе позволил идти с портфелем, да еще в очках? Ты у меня спрашивал разрешения?» Одного из них арестовали и судили. Остальным удалось затеряться среди призывников, и они поехали служить кто куда. Двор перешел в наши руки. Он был теперь в нашей власти. И все потекло так, как прежде.

До сих пор содрогаюсь, вспоминая, сколько в нас было злобы. Ведь мы целыми днями напролет думали о том, кому бы навредить! День проходил зря, если мы не совершали какую-нибудь подлость. Мне повезло: у меня не было проводов в армию. Потому что за два дня до этого меня задержали как участника одной драки и поместили в камеру для задер-

жанных в отделении милиции. А оттуда отвезли на призывной пункт. И мне не пришлось напиваться и бегать пьяным по улице, выискивая свою жертву. Но тогда я не знал, что в этом мое везение. Наоборот, я печалился и сокрушался, страдал и проклинал власти за то, что они помешали мне соблюсти традицию. Но по прибытии в часть все быстро забылось.

Мне выпало служить на флоте, сначала на берегу, потом на корабле. В одном увольнении на берег я познакомился с девушкой, мы стали переписываться и даже встречаться, если выпадала такая возможность. После службы я остался у нее и в свой город не вернулся. Мы поженились, я поступил в техникум и закончил его. У нас родились дети. С тех пор прошло уже много времени – достаточно для того, чтобы оценить прошлые события с моральной стороны.

Что такое мое детство и юность в СССР? Коварство и подлость, неуважение к труду, государству и особенно к личности. Мы имели все признаки отъявленных негодяев, и в нашем городе это не было редким явлением.

Наоборот, многие мои ровесники вели себя так же. Мы не посадили ни одного дерева, не помогли ни одному пожилому человеку, не утешили и не защитили ни одного ребенка, а тех, кто этим занимался, называли скотами. Мы приветствовали все плохое, а все хорошее отвергали, насмехаясь над призывами к труду и уважению. И поэтому сейчас мне очень стыдно, когда я вспоминаю свой двор. Не хочу туда вернуться! Считаю, что нормальный человек не может стремиться в такую ужасную среду. У нас, у советских детей нашего двора, не было совести. СССР, поэтому, я не люблю».

Лидия Ивановна – кова, 1958 года рождения: «Если говорить о счастливом детстве, то это обо мне – я была абсолютно счастлива в нашей прекрасной Советской стране. У всех детей моей советской поры детство было волшебным. В детском саду в нашей группе было столько игрушек, что от них трещали шкафы. Все кругом было чистенько, опрятно и нарядно. Няни были заботливее наших мам. И мы, дети, жили словно в сказочном мире. Пели, танцевали, рисовали, лепили из пластилина. Потом была школа, которую мы очень любили.

Я была звеньевая, и меня слушали, уважали. Со мной, ребенком, советовалась даже классная учительница. Школа была красивая, светлая, с большими окнами, с широкими лестницами. Юноши-старшеклассники казались нам дядями, некоторые из них уже отращивали усы. Они приходили к нам в класс и спрашивали, все ли в порядке, интересовались нашими успехами, а иногда у нас, у девочек, спрашивали, не обижают ли нас кто-нибудь, не толкает ли, не дергает ли за косички. Это была шефская работа. Девушки-старшеклассницы дарили нам книги, ленты, цветные карандаши. Мы мечтали поскорее вырасти и тоже приходиться к малышам с подобными поручениями.

Хулиганов в нашей школе не помню. В пятом классе к нам перешел из другой школы один мальчик, так вот он поначалу вел себя очень дерзко, но потом, глядя на всех остальных, изменил свое поведение. Потому что мы жили спокойно и дружно. Ходили всем классом в кино, покупали мороженое, и наши мальчики иногда сбрасывались и для нас, девочек, покупали кулек конфет. Класс был сплоченный. Мы подтягивали отстающих, ходили домой к неуспевающим и занимались с ними. Я вела альбом жизни нашего класса. Это в шутку называлось «летопись». Туда записывались все события, все достижения, и там же неуспевающие и отстающие давали письменные обещания исправиться. Потом, когда мы уже сдали выпускные экзамены и собрались на выпускном вечере, этот альбом переходил из рук в руки, и многие сначала смеялись, а потом грустили и даже плакали, вспоминая прошедшие годы.

Летом мы ездили в пионерский лагерь – это, я считаю, самая лучшая возможность помочь ребенку сформировать личность. Потому что именно в пионерском лагере быстрее

всего прививается личная ответственность перед коллективом. Тут нет пап и мам, все перед друг другом открыты. И это заставляет думать о совести.

В пионерском лагере я бывала пять раз. И все пять сезонов были превосходными, один лучше другого! Палаты были очень уютные, а сам лагерь выглядел ухоженнее любого санатория. Пионерские отряды соревновались между собой, и мы в своем отряде так сплотились, что постоянно занимали первые места. У нас была лучшая отрядная песня, лучшая стенгазета, лучшие показатели на викторинах и в спортивных состязаниях. Мы ходили в походы, ночевали в шалашах, собирали целебные травы, купались и загорали. А как мы играли в прятки! Столько смеха, веселья, легкости я больше нигде не видела.

Каждый раз в меня влюблялся какой-нибудь симпатичный мальчик. «Вздыхал» по мне. Это было очень приятно. День через день я получала записку с огромным сердцем, нарисованным шариковой ручкой с красной пастой, вчетверо сложенный тетрадный лист. К посланию всегда прилагался живой цветок. Влюбленный писал, что я самая лучшая на свете, самая красивая, и что он мечтает быть рядом. Но мы, девочки, никогда не отвечали на такие записки и вообще не подавали виду, что подобные признания трогают наши сердца. Так было принято. Мы должны были ходить, высоко держа голову, а мальчиков мерить холодным взглядом. А они «вздыхали» еще сильнее. Это было так хорошо! Очень часто мальчишки присылали подарки – конфеты, фрукты, значки, плетенные из цветной проволоки брелоки – и мы их благосклонно принимали. В походах в лес я всегда получала от влюбленного паренька нитку лесной земляники. Другие девочки мне по-доброму завидовали. Они качали головами и всплескивали руками: «Ах, как он в тебя влюблен!» Однако до конца смены я не позволяла влюбленному даже трогать меня за руку. Таково было негласное правило. И это очень приятно щекотало девичье сердце! Только на прощальном вечере, у пионерского костра и на танцах влюбленный мальчик приближался ко мне, и я подавала ему руку. Мы сидели у костра, держась за руки, и «вздыхали». Это было так мило, так чисто и трогательно! На прощание мальчик целовал меня в щеку и обещал писать каждый день всю оставшуюся жизнь. Как это было чудесно!

Мы жили с ощущением счастья, а когда расставались – ведь мы были из разных городов, девочки всегда плакали. До сих пор храню наволочку из пионерского лагеря, на которой мальчишки и девчонки нашего отряда шариковой ручкой написали мне свои сердечные пожелания. Когда я держу ее в руках, у меня сжимается сердце. Текут слезы. Ведь мы жили почти в раю!

Где, в какой стране государство обеспечивает детям такую атмосферу, что они чувствуют себя абсолютно счастливыми? Это было только в СССР!»

Николай Ер – ков, 1959 года рождения: «Мой папа был кандидатом технических наук, эрудитом, спортсменом, шахматистом. Носил очки и маленькую бороду. Утром, когда мы просыпались, он весело командовал: «На зарядку становись!», и я бежал, становился рядом с ним – и мы дружно выполняли упражнения. Потом обливались холодной водой. Закалялись. За завтраком решали какие-нибудь задачи из журнала «Наука и жизнь» или разыгрывали шахматные этюды, которые печатались там же. Папа учил меня все делать «с умом», то есть компетентно и ответственно. Мама во всем нас поддерживала. В доме всегда плавали улыбки. Я и мои родители были неразлучными друзьями.

Папа вызывал меня на соревнование – кто из нас за неделю сделает больше добрых дел. Я приносил в дневнике пятерку по математике – это записывалось как доброе дело. И когда я прибирался в своей комнате, поливал цветы, мыл посуду, ходил в магазин за покупками, это тоже засчитывалось в мою пользу. Папа чинил все электроприборы, наши и соседские, мог починить любой протекающий кран, настроить телевизор, соорудить настенную полку,

подклеить книгу, поменять дверной замок и предложить еще десяток других услуг технического характера. И все только бесплатно – такова была его принципиальная позиция.

С семи лет я знал, что мой папа работает в научном институте и что-то проектирует. Тогда же, в семь лет, он однажды подмигнул мне и сказал, какой именно проект поручили ему и его товарищам: луноход. Затем папа добавил: «Но это государственная тайна, и ты, пожалуйста, храни ее в секрете». Позже, став постарше, я догадался, что это была шутка. Папа что-то проектировал, как инженер-конструктор, что-то важное для страны, но, конечно, не луноход. Я думал, что, может быть, новый танк или самолет-истребитель. Или автомобиль-амфибию.

Во дворе у меня был только один хороший приятель, а другие ребята были просто знакомые. С ними мне было неинтересно. Они шмыгали носом, громко зевали, шаркали по асфальту и постоянно что-то подбирали с земли. Это была у них какая-то мания. Они ходили по двору, заглядывали во все углы, в мусорные баки, вытаскивали бумагу, деревяшки, изношенные вещи, банки, бутылки. Все стеклянное тут же разбивалось. Все бумажное и деревянное шло в костер. Разводить костер тоже была их ежедневная привычка. Они совали в огонь выброшенных на помойку кукол или старые мягкие игрушки и всегда говорили одно и то же: это враги, которые приговорены к смерти. Перед тем, как казнить «врагов», мальчишки всегда пищали и выли, изображая страдания перед смертью. Они делали это как бы от лица несчастных кукол и всяких плюшевых зайцев и медведей. Каждый из них был беспощаден и всегда подчеркивал это.

Кроме костра они были помешаны на том, чтобы кому-нибудь навредить: проткнуть шины, облить перила в подъезде смолой или краской, сломать лавку, скамейку, оборвать веревки для сушки белья, сбить с дерева и разрушить скворечник, сорвать с двери в подъезде пружину, «кокнуть» лампочку. Пойти на строительную площадку и разбить стекла считалось у них особым геройством. Когда им надоедало вредить, они бегали по крышам гаражей, лазали по чердакам, подвалам и канализационным шахтам. Бывало, подбирали окурки, сушили их и курили. А бывало, отправлялись к магазину или дому культуры и принимались выпрашивать у прохожих мелкие деньги: «Дядя, дайте пять копеек». Тратились деньги всегда на сладкое – конфеты, пирожные. После этого они всегда мечтали, и мечтой их было одно и то же: забраться на строительный кран, проникнуть в кабину и все там разломать, разрушить и испортить. И об этой мечте они любили говорить друг другу, словно кто-то из них никогда о ней не слышал.

Мне было интереснее дома, с папой и мамой. Мы решали задачки, головоломки, отгадывали кроссворды, играли в шахматы, шашки и лото, читали вслух. Иногда папа вскакивал и задорно восклицал: «А ну, кто тут сильный?», и в следующее мгновение мы с ним уже отжимались от пола, а мама вела счет. Частенько папа нарочно проигрывал, чтобы я чувствовал себя победителем. В выходные дни мы выезжали за город и становились на лыжи – если была зима, а летом отправлялись в походы. В лесу часто попадался мусор, и мы его закапывали, если это было нам по силам. Папа и мама всегда сокрушались, глядя, как неуважительно относятся жители нашей страны к нашей же природе. Папа ненадолго впадал в задумчивость.

Однажды, когда я закончил четвертый класс, родители торжественно объявили: «Кричи «ура»! Ты поедешь в пионерский лагерь!» После этого папа стал давать мне наставления. Но не о том, чтобы я не забывал умыться на ночь и писать домой письма, а вот что: «Будь честным и умным, смелым и открытым. Потому что таких людей всегда уважают. Никогда не унывай и стремись делать жизнь интереснее: всегда будь готов предложить хорошую, занимательную игру – задачку, головоломку, загадку. Чтобы всем интереснее было! Рассказывай, какие прочитал книги, делись впечатлениями и слушай, что рассказывают твои товарищи. Учись у других и увлекай своими знаниями. И помни: уважение завоевать непро-

сто, предстоит немало потрудиться!» Я немедленно завел тетрадь и бросился записывать задачи, головоломки и загадки. Вспомнил все книги, которые прочитал. Парочку захватил с собой – положил в свой маленький детский рюкзак. Я усиленно отжимался и подтягивался на домашнем турнике, чтобы не подвести свой пионерский отряд, когда предстоит участвовать в спортивных соревнованиях.

Настал день отъезда. Мы проснулись рано и поехали к месту сбора. На площади стояли автобусы, дети высовывались из окон и махали провожающим. «Эх, завидую я тебе, мой мальчик! – сказал мне папа. – Я бы и сам с удовольствием поехал сейчас в пионерский лагерь. Прекрасная, великолепная пора! Тебя ждут новые знакомства и замечательные события, и ты откроешь для себя много нового и полезного!» И вот я приехал в пионерский лагерь. На часах было три часа дня. А уже в три часа двадцать минут я знал наизусть пошлую песенку: «Когда я был мальчишкой, носил я брюки клеш, соломенную шляпу, в кармане финский нож. Папаню я зарезал, маманю зарубил, сестренку-гимназистку в параше утопил». Ее распевали странные на вид ребята из моего отряда.

Странные они были потому, что вели себя как невоспитанные взрослые возле пивной. Громко смеялись, плевали под ноги, сморкались, зажав пальцем одну ноздрю. Но больше всего меня поразило, что они сыпали скверными словами и ничуть не смущались. Их было пятеро, и сошлись они еще в дороге, по пути в лагерь. Все они проживали в маленьких городках и поселках и, наверное, поэтому сбились в одну компанию и договорились держаться вместе. А остальных ребят они решили презирать и высмеивать. Одеты они были одинаково: в клетчатые рубашки, расстегнутые до живота, просторные брюки, на ногах – обыкновенные домашние тапочки. В этих тапочках они ходили по улице.

Мальчишки эти оказались неряшливые. Умывались неохотно, а зубы совсем не чистили. Ноги не мыли. Ковырялись в носу, а вечером, когда мы укладывались спать, не стеснялись громко пукать. Книжек они не читали, зато постоянно рассказывали друг другу истории о том, где и когда они видели драку, воровство, пьянство и даже половой акт. Последнее занимало их больше всего. Про это у них были загадки, об этом они знали скороговорки, пословицы и анекдоты. И о наших вожатых эти ребята высказались сразу: люди они плохие, хитрые, наверняка воруют вещи, и каждую свободную минуту парни-вожатые предлагают девушкам-вожатым половые сношения. Это была отвратительная грязь. От нее становилось противно и гадко. И из-за этого в нашем отряде установилась унылая атмосфера. Предлагать игры не хотелось. Смеяться, веселиться не было повода. Свою тетрадь я вынимал каждый день, но ни у кого не нашлось желания заняться головоломками.

На утренней физической зарядке мальчишки в домашних тапочках кривлялись, паясничали, передразнивали вожатых и несколько раз их грубо оскорбили. А до этого, еще в день приезда, они зачем-то разрисовали свою кожу шариковыми ручками – изобразили какие-то кресты, кинжалы, бутылки и даже могилы. Когда мы собрались всем отрядом разучивать отрядную речевку, странная компания с азартом бросилась переключать ее на самый скверный язык, а попросту – на матерщину. Все морщились и краснели. Все мы были раскаты, особенно девочки и вожатые. А я думал: «Неужели это советские ребята и учатся в обычной советской школе? Совсем не похоже!» Я был поражен, глядя на этих ребят. А им нравилось, что они плохие.

Уже на второй день они отказались прибираться в палате и на территории, закрепленной за нашим отрядом. Сразу заявили, что трудиться не будут: «Мы не лошади, чтобы гнуть спину. Купите коня, пусть он и работает!» Так продолжалось целую неделю.

Наконец началось разбирательство. Пришла директор лагеря и ее помощники. Директор была строгая женщина, но ребята с разрисованной кожей ее не боялись. Двум особенно наглым и дерзким из них было сказано, что они могут собирать свои вещи, так как их отправят домой. В тот же день эти двое раздобыли сигареты и стали у всех на глазах курить и

вести себя еще развязнее. Их заперли в актовом зале, а утром за ними приехали родители и увезли с собой. Кто они были, эти взрослые, мы не видели. Наверное, неряшливые и невоспитанные люди.

Оставшиеся трое мальчишек поначалу вели себя сдержаннее, чем прежде, но уже через день им это наскучило, и они снова пустились хамить, грубить, паясничать и кривляться. Все стали им говорить: «Хотите, чтобы и вас выгнали из лагеря?», и они ничего не придумали другого, как сбежать. Забрали свои вещи и исчезли. Но удрали они не просто так, а вынули из нескольких шариковых ручек стержни с чернильной пастой, выдавили ее в тарелку и словно малярной краской написали на стенах нашей палаты отвратительные слова и выражения. Обнаружив безобразие, мы бросились смывать надписи, но это оказалось трудным делом. И на стенах все равно остались тени от чернильной пасты. Жить в нашей палате стало совсем невесело. Мы были подавлены. Ходили потерянные и молчаливые. Даже вожатые выглядели растерянными. Кроме того, наш отряд теперь был теперь неполным, и на нас косились ребята со всего лагеря. Они почему-то глядели не с сочувствием, а так, словно нас объявили умственно отсталыми, неполноценными или даже заразными. Отдых был решительно испорчен. А я и не догадывался, что у нас, в Советском Союзе, у таких же, как я мальчишек, бывают такие грязные, нездоровые наклонности. И я так и не понял, почему они всюду ходили не в обычной обуви, а в домашних тапочках.

Кое-кого возмущенные родители забрали раньше срока. А я размышлял о том, как сказать папе и маме о случившемся – мне очень не хотелось их огорчать. Но о произошедшем им сообщила дирекция. Узнав обо всем, папа замолчал и впал в задумчивость. А потом хлопнул меня по плечу и сказал: «Ну, ничего, старик! Мы набьем наши рюкзаки, сядем в лодку и поплывем по реке. Ах, какие места нас ждут! Какая уха и песни у костра! Я буду рулевым, мама – штурманом, а ты – капитаном! Согласен?» Помню, я подпрыгнул от восторга. Что за вопрос! Да я тысячу раз променял бы пионерский лагерь на компанию моих папы и мамы! И мы вернулись домой, собрались в поход и поплыли по реке. Это была великолепная поездка.

О тех мальчишках в домашних тапочках я вспоминал часто. И думал: кто они и кем стали? Потом, когда я вырос, я обнаружил, что в СССР живут очень разные люди в смысле воспитания и отношения к труду. И что многие жители Советского Союза по-разному относятся к такому понятию, как совесть – в зависимости от обстоятельств.

В СССР я вернуться не хочу, там было скучно и неинтересно. Когда я окончил школу, а потом институт и поступил на работу в научное учреждение, я увидел, сколько вокруг ленивых и равнодушных людей. Многие работали кое-как. Некоторые не скрывали, что стремились получить высшее образование, чтобы работать как можно меньше и ни в коем случае физически. И я спросил папу, нельзя ли мне перейти на работу в его учреждение. Я похлопал его по плечу и пошутил: «Я тоже хочу проектировать луноход».

Мой папа печально улыбнулся и сказал: «Эх, мой мальчик! Никакого лунохода у нас нет. Двадцать лет я прихожу на работу и почти ничего не делаю. Мы играем в настольный теннис, читаем обычные книжки, решаем кроссворды и головоломки. Я мечтал об автоматике и модернизации, но нашей стране оказались не нужны мои знания. И модернизация не нужна. Мне очень стыдно так жить. Каждый день я жду хорошей, трудной, интересной работы, а ее все нет. Если ты устроишься в наш институт, станешь обыкновенным бездельником».

Мои родители не дожили до старости, оба ушли из жизни всего в шестьдесят лет. Я часто прихожу на их могилу.

Мое счастливое детство сложилось, можно сказать, не в СССР, а в моей семье. Моя страна – это мои золотые папа и мама. Сужу по своим ровесникам, которых знал и знаю до сих пор: ни двор, ни школа, ни пионерлагерь не привили им то, что привили мне мои родители – уважение к труду, к личности и к природе».

Александр За – ков, 1960 года рождения: «В моем детстве все дети были счастливы. Потому что все мальчишки и девчонки Советского Союза жили интересно. Мы знали, что живем в самой сильной державе мира. И мы стремились помогать ей. Собирали металлолом, макулатуру, черствый хлеб. Ходили по дворам, квартирам, стучались в двери, ворота, кричали за заборы: «Здравствуйте! Мы – пионеры! У вас есть старые журналы и газеты?»

Весь день мы пропадали во дворе, а дома торчать не любили. Нам было интереснее в компании сверстников, в коллективе, там формировался наш характер, основанный на равноправии и справедливости. Терпеть не могли тех, кто задается и выпячивает себя, выскочек всегда наказывали – кого словами, а кого – подзатыльником. С десяти лет я стал посещать Дом пионеров, судомодельный кружок. Мы строили небольшие модели кораблей и подводных лодок и спускали их на воду. Устраивали соревнования.

Что за удивительная атмосфера была в Доме пионеров! Все ребята занимались делом – строгаи, выпиливали, клеили. Повсюду в мастерской были стружка, наждачная бумага, запахи дерева, морилки, клея. Мы учились читать чертежи и думать и рассуждать как конструкторы. Никто не забивал себе голову глупостями. Чтобы получше одеться и повкуснее поесть ни у кого из нас и в мыслях не было. Одеты были просто, без причуд, многие носили школьную форму и обычные кеды. Кушали то, что давали в столовой и дома, не привередничали, и хотя, конечно, все мы мечтали о сладостях – о пирожных, конфетах, сладких фруктах, болезненной тяги к ним ни у кого не припомню. Можно сказать, мы умели себя сдерживать. Не хныкали, не впадали в уныние, а наоборот, ходили веселые, держались всегда уверенно.

Конечно, бывали ребята, у которых родители занимали высокие должности или часто ездили в командировки, и они, эти ребята, одевались получше, чем мы, дети обыкновенных тружеников с заводов, фабрик и других предприятий. Они приходили в новых ботинках и костюмах, у них были яркие свитера, куртки, шапки. У них были даже перчатки, а не варежки. Но все зависело от нас, от сплоченного школьного или дворового коллектива, то есть мы могли сделать так, что даже в новой и красивой одежде тот или иной паренек или девчонка чувствовали себя неуютно. Мы их высмеивали. Называли светофорами, павлинами, буржуями. О том, чтобы принять их в игру, не могло быть и речи. И тогда, видя такое всеобщее презрение, разодетые ребята бежали домой и надевали простую одежду. И я считаю, что мы действовали справедливо. Нам и в школе давали такие же наставления: не стремитесь надевать что-либо яркое или новое, а будет лучше, если вы оденетесь просто, но аккуратно. Тут подштопайте, там подшейте. И мы так и делали. И были довольны!

Осенью, зимой и весной меня с трудом загоняли домой. Мама кричала из окна: «Саша! Са-ша! А ну, иди скорее домой, неслух! Сколько можно звать!» А я делал вид, что не слышу. Так хорошо, так здорово мне было во дворе среди таких же советских ребят, как я! Потом я, естественно, подчинялся и неохотно плелся в свой подъезд. И все остальные ребята тоже плелись неохотно. Дома я делал уроки, помогал маме и папе в домашних делах, или младшей сестре – она каждую неделю оформляла школьную стенгазету. А мечты мои были о лете! Я словно молился: «Приди, лето! Приди скорее!» Потому что летом меня всегда отправляли в деревню, на три месяца. Для меня это была поездка в рай. В деревне жила тетя моей матери, и бабушка – мама тети. Бабушка была очень старая, с прошлого века, выходила только на крыльцо. А я прыгал с крыльца в лопухи, как в озеро! Вообще, я резвился в деревне так, чтобы хватило на весь год, до следующего лета.

Там, в деревне, у меня была прорва друзей, местных ребят. Они меня с нетерпением ждали, и когда я приезжал, все плясали от восторга. И уже через пять минут я сбрасывал городскую одежду и надевал деревенскую. Особенно мне нравилось, что о ней почти не нужно заботиться. Только носи себе и носи. Больше всего я уважал кирзовые сапоги. И вот я одевался как деревенский паренек, и начиналась такая прекрасная пора для мальчишки, что

ее трудно так сразу описать словами. Мы уходили на весь день в лес или на реку, а бывало, и ночевали в лесу или у реки. Жили в шалаше, а не в палатке, пили речную воду, варили уху, пекли картошку. Носили с собой небольшие ножи, которые всегда могли пригодиться в лесу или еще где-нибудь. Мне, городскому пареньку, каждая минута такой жизни была в радость. Я мог часами сидеть у костра и смотреть на угли, и рассказывать о том, как мы живем в городе. А деревенские ребята выкладывали свои случаи. Все они казались мне взрослее и мудрее, хотя мы были ровесниками. Каждый из них тайком от родителей курил папиросы, и я тоже курил, за компанию. Мы ощущали себя взрослыми людьми, ведь рядом не было никого старше нас.

Мальчишки пасли коней, ездили на них верхом, но мечтали они только об одном – стать шофером грузовика. Им нужно было только это. Все богатства мира они отвергли бы, чтобы только управлять грузовичком «ЗиЛ» или «Газ», ездить по местным деревенским дорогам, да еще соответственно одевшись. Я всегда понимал, о чем говорят мои деревенские друзья. Потому что видал местных шоферов. Еще бы! Это были лихие на вид люди: каждый носил кожаную кепку и широкий ремень, а под рубашкой – матросскую тельняшку. Две верхние пуговицы у рубашки всегда расстегнуты, чтобы тельняшку было видно. И, конечно, усы. Без усов я не встречал ни одного шофера. В кабине грузовика на лобовом стекле обязательно портрет Сталина в мундире генералиссимуса, цветное фото. А в других местах – вырезки из журналов: всякие красивые девушки, киноактрисы, стюардессы.

Мне и самому не раз думалось, что это хорошее место в жизни, если ты деревенский шофер. Едешь после работы, куришь папиросочку, слушаешь музыку из транзистора. И направляешься ты не домой, а на ферму, так как там работает твоя девушка. И она ждет только тебя, и никого другого. Садится рядом на сиденье и обязательно целует в щеку и обнимает за шею. Хорошо! В городе, пожалуй, на грузовике после работы с любимой не покатаешься. Машину нужно поставить в гараж. А в деревне почти каждый грузовик ночует возле дома шофера, как личный автомобиль. Очень удобно: утром проснулся, вскочил на сиденье, завел мотор – и поехал на работу. Не нужно трястись в автобусе или троллейбусе, платить за проезд, протискиваться к выходу и спрашивать: «Вы на следующей остановке выходите?»

В деревне вообще сплошные преимущества. Летом шофер может остановиться возле реки или пруда, выйти из кабины и искупаться, и никто ему слова не скажет. Вечером можно пойти спать на сеновал, одному или с любимой. Я видел: некоторые шоферы так и делают. Замечательная жизнь! Кругом ширь и раздолье. Люди все простые, понимающие, живут как все, никто не выпячивается. И в деревенском доме намного интереснее, чем в квартире. Пусть нет водопровода и канализации, зато очень приятно спать на печи. Заберешься на печь, а там лежат всякие старые книги, газеты, календари. Лежишь, читаешь книжки, рассматриваешь картинки. А тетя печет оладьи – много, пятьдесят штук, сразу на три дня. Затем она наливает в глубокую тарелку сгущенного молока и зовет: «А ну, кто тут чемпион по оладьям?» Я спрыгиваю с печи и бегу к столу. А там уже чайник пыхтит. Чемпион по оладьям, да еще со сгущенным молоком, это, конечно, я! Дома, в городе, такого нет. И я нахваливаю все сразу: и оладьи, и деревенскую жизнь, и любимую тетю. А она говорит: «Вот вырастешь, приезжай к нам навсегда. Пойдешь в шоферы. Женишься. Мы как раз помрем, и дом тебе останется. Чем не жизнь?» Я всегда соглашался и мечтал поскорее вырасти. Быть шофером, носить кепку, широкий ремень и усы – это по мне.

Но вот лето проходило, и я, прощаясь с местными ребятами, всегда обещал вернуться. И всегда говорил им, что однажды вернусь навсегда. И тете повторял такие же слова. А она одобрительно кивала. А мама моя была другого мнения. Сначала она меня чистила, мыла и стригла. Смывала деревенскую жизнь. «Погляди, – говорила моя мамуля, – когти на руках, как у тигра! А волосы отрастил такие, что глаз не видно!» А потом рассказывала, что зимой

в деревне совсем другая жизнь, для меня незнакомая, унылая и скучная. То есть зимой в деревне не так замечательно. А я говорил: «Мамочка, купи мне тельняшку!» Когда я вырос, по различным обстоятельствам остался жить в городе. И очень жалею. В деревне было бы мое счастье – но только, конечно, в СССР. То время было особенным, хотя бы потому, что я ни разу сильно не огорчился. Просто не было повода. Бывало, проснешься в шалаше, вокруг тишина, туман, и только кони в тумане вздрагивают и как будто перешептываются. В СССР я был счастлив, и другой страны мне не нужно».

Анастасия Рез – ко, 1960 года рождения: «Мы с братом были двойняшками, жили в городе на обычной улице, в обычном советском дворе. Но счастливое детство – это, наверное, не про нас. Потому что все детство мы проторчали дома. После школы шли домой, сидели в своей комнате, иногда даже не разговаривали. Так как во дворе нас не брали ни в одну компанию, да еще показывали пальцем и дразнили: «Двойняшки, двойняшки, а вы едите какашки?» Ни ребята, ни девочки не принимали нас с братом всерьез. Даже в школе. А во дворе задавали такие вопросы, что сейчас их невозможно произнести вслух. Не просто неудобно, а неприлично и стыдно. Незавидная доля – отличаться от своих сверстников в обычном советском дворе. Детям было скучно, вот они и развлекались.

Ребята издевались и над еще одним мальчиком – он был полный, даже грузный. Ему доставалось больше, чем нам: в него бросали камни, мусор, щепки. Он краснел, обливался потом и убегал домой. И нам приходилось несладко: у нас с братом кожа была белая, тонкая, кое-где хорошо были видны паутинки вен. И все считали, что мы больные, заразные. До шестнадцати лет мы так и не смогли завести себе друзей. Лишь после восьмого класса, когда мы поступили в разные техникумы, у нас появилась, у каждого, своя компания. Помню, я даже заплакала, когда у меня появилась первая в жизни настоящая подруга. Но до этого момента мы с братом пережили много горечи и страданий.

В детстве было больше плохого, чем хорошего, потому что люди были плохие. А в школе нам говорили, что Советский Союз – это страна добрых, отзывчивых людей, готовых всегда протянуть руку, выручить и защитить. Куда там! Советские дети в нашем дворе и в школе были жестоки. И не только в нашем дворе. Потому что весь наш город был разделен как бы на отдельные территории. Взрослые могли передвигаться в городе свободно – куда хочешь, туда и иди, а дети и подростки не имели такой вольности. На каждой улице и в каждом дворе были свои хозяева – мальчишки, вот они-то зорко и следили за чужаками.

Из нашего двора мы могли выйти запросто только на ближайшую улицу, а пересечь ее было уже опасно. Там была чужая территория. И тамошние мальчишки наказывали каждого, кто был пойман на их территории. Так же поступали ребята и нашего двора. И вообще все ребята в городе. Но что же они делали, когда ловили чужаков? Требовали заплатить дань за то, что идешь по их «земле». Сразу спрашивали: «Чем ответишь?» Требовали вывернуть карманы, показать содержимое. На слово никогда не верили. Вообще, они были очень подозрительные. Им всегда казалось, что их обманывают, что будто бы ты несешь кусок золота или карманы у тебя набиты деньгами, а заявляешь ты о двухкопеечной монете. Если они находили деньги, забирали половину. И обязательно подробно спрашивали, куда идешь и зачем. А если им нечем было поживиться, они очень злились и тогда провожали пинками и кричали вслед: «Еще раз попадешься – покалечим!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.